

Глава 4. ПОСУДА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

В подношении чаши для питья пребывают по-своему смертные.

В подношении чаши для возлияния пребывают по-своему божества, принимающие дар подношения как дар жертвоприношения.

В подношении чаши всякий раз по-своему пребывают смертные и божества.

В подношении чаши пребывают земля и небо.

В подношении полной чаши одновременно пребывают земля и небо, божества и смертные. Эти четверо связаны в своем изначальном единстве взаимной принадлежностью. Предшествуя всему присутствующему, они сложены в простоту единственной четверицы.

Подношение чаши есть дар потому, что дает пребыть земле и небу, божествам и смертным.

Мартин Хайдеггер. Вещь

Во всех пазырыкских погребениях, и в самых богатых, и в самых бедных, всегда находились одинаковые еда и питье — на деревянных блюдах-столиках и в разнообразных сосудах. Количество приношений, а значит и сосудов, и качество посуды были связаны со статусом умершего, но состав подношений от его социального статуса, как правило, не зависел. Постоянным оставался набор, который ставили в могилу рядового или знатного воина, матери семейства или вождя: керамический сосуд, деревянная кружка, деревянное блюдо-столик, редко встречаемый, но присутствующий у всех категорий погребенных роговой кувшин. Три вида сосудов — число три, как известно, было священно для протоиранцев [Бойс, 1994, с. 10] — из глины, дерева и рога, имеющие различные качественные характеристики, могли олицетворять землю, растения и животных.

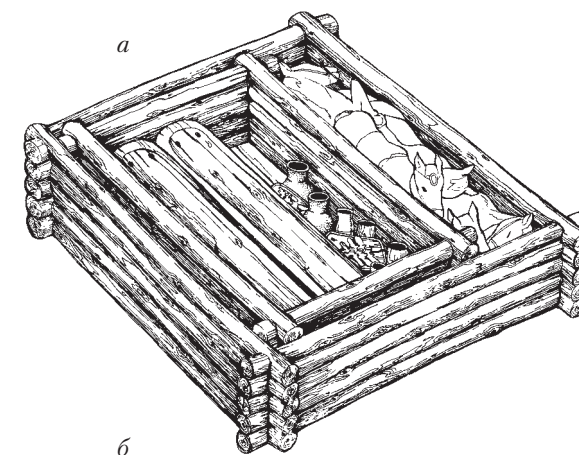
Виды жертвенной пищи и ее размещение в могиле были разными даже у близких в других отношениях культур. Потому этот аспект погребальной обрядности является очень важным и показательным культурнодифференцирующим признаком.

Находки в последние годы целых «замерзших» могил на Укоке позволяют со всеми этнографическими подробностями рассмотреть сопровождающие умерших наборы посуды и другой утвари, определить их место в погребении и возможное назначение. «В ритуале все характеристики сосуда — форма, декор, его непосредственное назначение — обретают наибольшую смысловую глубину. Через ритуал сосуд соотносится с образами мифов» [Антонова, 1986, с. 55].

Как пример, рассмотрим один из наиболее ярких комплексов Укока — погребение молодой знатной женщины в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3. Рядом с колодой, между телом умершей и захоронением коней, находился своего рода топографический и семантический центр ритуального пространства погребальной камеры (рис. 125). Здесь, концентрируясь у восточной стены, на стороне восходящего Солнца, стояли сосуды с кульговым питьем и деревянные столики-блюда с лучшими кусками мяса (курдючная часть барана на одном из них и крестцовая часть лошади — на другом). Легкие деревянные предметы: кружка, два блюда (большое и малое), а также роговой сосуд, были подняты водой от дна погребальной камеры вверх, где и обнаружены спустя 2,5 тыс. лет вмёрзшими в лед (рис. 126, 127). На блюдах сохранились куски вареного мяса, лед вокруг них имел коричневую окраску. При оттаивании он становился жирным бульоном, издававшим специфических

запах. В кусок мяса, лежавший на большом блюде-столике, был воткнут железный нож. Его рукоять оканчивалась кольцом в виде рогов козерога, покрытых золотой фольгой. Обе стороны рукояти украшены изображениями зубастых волчьих морд (рис. 127, 128). Такое зооморфное оформление рукояти столового ножа как нельзя лучше отвечает его назначению — отрезать кусочки мяса. У малого деревянного блюда были гладкие вставные ножки, а большое блюдо имело только основания для них, сами ножки, видимо, были утеряны задолго до того, как блюдо-столик попало в погребение женщины; вместо одного из несохранившихся оснований для ножки в днище была вставлена оструганная палочка (рис. 129). Возможно, в данном случае мы имеем дело с реликвией — свято хранимой как память о прошлой вещи, которая использовалась в том виде, в каком досталась ее последнему владельцу*.

Рис. 125. Реконструкция интерьеров погребальных камер пазырыкцев Укока: а — курган № 1, могильник Ак-Алаха-1; б — курган № 1, могильник Ак-Алаха-3 (выполнена Е. В. Шумаковой)

* Не удивлюсь, если окажется, что это блюдо-столик происходит из Второго Пазырыкского кургана. Его ограбление и осквернение, как известно, произошло вскоре после захоронения. Из четырех поставленных в погребальную камеру столиков целиком сохранился только один, с трех других были сорваны крышки, одна из которых в кургане так и не обнаружена, ножки же от всех четырех столиков найдены вмёрзшими в лед на дне склепа [Руденко, 1953, с. 82–83]. Возможно, один из комплектов ножек с прямоугольными шпеньками, представляющими собой вырезанные из дерева фигуры тигров (барсов) [там же, табл. XX, 7, 8], принадлежит блюду, обнаруженному в погребении женщины на р. Ак-Алахе. Вещь, которой владел ранее выдающийся предок, гарантирует его защиту и покровительство новому хозяину. Кроме того, по древним представлениям, предмет из погребения, т. е. добытый по сути из «иного» мира, обладает волшебной силой [Пропп, 2000, с. 167].

Рис. 126. Роговой сосуд. Процесс вытаивания посуды. Курган № 1, могильник Ак-Алаха-3

*
Мне кажется очень важной привязанность посуды к конкретному месту в погребальной камере и сопряженность их между собой. «Можно сказать, что именно пребывание на своем месте делает вещь сакральной, поскольку при нарушении, хотя бы даже мысленном, этого оказался бы разрушенным весь мировой порядок, следовательно, вещь, занимая принадлежащее ей место, способствует поддержанию его» [Леви-Стросс, 1994, с. 121].

Два разрушенных льдом плоскодонных глиняных кувшина были обнаружены на дне погребальной камеры. Их высота была 35–40 см, ширина горловины 12,5 и 13 см, высота венчиков 9 и 8 см. Сосуды по венчикам и плечикам украшались круговыми глиняными налепами, поверх которых нанесены частые насечки в виде креста. Кроме того, сосуды декорировались тоненькими кожаными аппликациями в виде фигурок петухов, сохранившимися во фрагментах, и полоской кожи по венчику (рис. 130), как у сосуда из Второго Пазырыкского кургана [Руденко, 1953, с. 91]. Все сосуды, и круглодонные, и плоскодонные, для большей устойчивости были поставлены в специальные подставки-кольца, сшитые из войлока. Впервые такие подставки были обнаружены во Втором Пазырыкском кургане (6 экземпляров) [там же, с. 88–89]. Они могли свободно располагаться на полу погребальной камеры или были пришиты к войлочному покрытию пола. Любопытно, что войлочные кольца сшивались по три, как, например, обнаруженные в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3 и в кургане № 3 могильника Верх-Кальджин-2 (рис. 132)*.

Традиционно считается, что вся пища, помещенная в погребении, предназначена уходящему в «иной» мир, «еда на дорогу» (здесь речь идет не только о пазырыкских погребениях, но и практически обо всех древних и средневековых захоронениях). Есть и другая интерпретация того факта, что в могилу и рядом с ней помещалась пища. Так, у алтайцев еда в погребениях предназначалась для угощения родственников в «ином» мире. В описании этого обряда алтайцев отмечено, что «на месте погребения женщины клали грудинку или заднюю часть туши барана, чтобы душа умершей женщины в другом мире могла войти в айлы умерших родственников с подношением» [Шатинова, 1981, с. 101]. Мне представляется более вероятным, что разлитые в сосуды напитки и разложенные на блюдах лучшие куски мяса были приношением верховному божеству (или божествам) пазырыкцев, перед которым должен был предстать умерший. Еда и напитки в погребении — это своего рода приглашение к застолью, а любое застолье считалось местом общения с богами [Уваров, 1999, с. 98], поскольку принятие пищи — акт причащения к сакральному [Малиновский, 1998, с. 45].

И у иранских, и у тюркско-монгольских народов не существовало особой культовой посуды для жертвоприношений божествам. Обычная в нашем представлении посуда становилась сакральной в ходе ритуального действия, в котором она выступала лишь как набор разнообразных емкостей для сакральных напитков или другой пищи-приношения. Так, по представлениям якутов, верховные божества нисходили к огромным кожаным жбанам, деревянным кубкам и другим сосудам, наполненным молоком, первым кумысом и маслом. Якуты были уверены, что божества отпивают кумыс из поднятых вверх чоронов [Львова, Октябрьская и др., 1988, с. 125]. Алтайские камы также не имели специальной ритуальной утвари. «Вареное мясо жертвенного животного ели обычно из деревянных блюд, бульон пили из деревянных чаш. Их после камлания убирали и снова пускали в хозяйственный обиход» [Потапов, 1991, с. 230]. «Все сосуды, используемые древними иранцами при богослужении, сначала очищали, а затем освящали. Но они не считались священными по своей природе. После совершения обряда любой человек мог свободно их трогать» [Бойс, 1994, с. 16]. Эти примеры, которые можно продолжить, говорят о том, что сосуд (или вообще — посуду) часто делал сакральным помещенный в него напиток (или другая еда), имевший в конкретном ритуале значение подношения божествам.

Рис. 127. Деревянные блюда.
Процесс
вытаивания посуды.
Курган № 1,
могильник Ак-Алаха-3

Вся посуда, обнаруженная в пазырыкских погребениях, — бытовая и ритуальная одновременно. Она часто имеет следы неоднократной починки, как на деревянных блюдах и сосуде-кружке в рассматриваемом женском погребении. Этими вещами долго пользовались в быту, они сильно потертые, с порезами ножом*. Но другой посуды и не было. Боги и люди пили из одного кувшина и ели из одного блюда. Не всякую посуду, используемую в быту, могли наливать сакральные напитки. Существовала особая группа сосудов, отличающаяся от остальных, вероятно, формой, иногда — материалом и уж конечно орнаментом, украшениями. Эта посуда и представлена в пазырыкских погребениях.

Такого рода сосуды (в которые могли наливать сакральные напитки) имели в традиционных культурах высокий семиотический статус, что нашло отражение в их местоположении в жилищах тюркско-монгольских народов в зонах максимальной сакральности: например, в верхней зоне женской половины аила у тюрков Южной Сибири [Львова, Октябрьская и др., 1988, с. 127]. То же мы наблюдаем и в пазырыкских погребениях, в которых вся утварь с напитками и едой располагалась в центральной части погребальной камеры (между покойным и захоронением коней), концентрируясь у ее восточной стенки — на стороне восходящего Солнца. Сосуды были неотъемлемой частью кочевнического быта, являясь емкостями для хранения и употребления молочных продуктов — одной из главных составляющих пищевого рациона скотоводов.

Есть все основания полагать, что в сосуды, стоявшие в погребениях пазырыкцев, были налиты разновидности молочных напитков и просто молоко**, хотя, конечно, нет причин исключать какие-то другие напитки. В скотоводческих обществах существовало особое отношение к молоку и молочным продуктам, которые осознавались как культурная ценность. Можно сослаться на тюркскую мифологию, в которой молоко выступает носителем качественных характеристик верхнего мира [там же]. Кумыс считался наиболее желанной жертвой Небу и духам предков монголов [Жуковская, 1989, с. 234, 250]. В алтайской фольклорной традиции существует поэтическое представление о молочном озере, обиталище светлых божеств, владении богини-матери Умай, служащем неисчерпаемым хранилищем душ-зародышей [Львова, Октябрьская и др., 1988, с. 123, 131], источником жизни, квинтэссенцией чистоты.

*
Удивительно бережное отношение к вещам в древних обществах особо проявилось в посуде: в могилах нередко находят керамические, деревянные, металлические сосуды, блюда-столики со следами неоднократной починки. Можно, конечно, предположить, что в погребения охотнее клали вещи, приходящие в негодность. Но вот, например, знаменитые ритоны парфянских царей из резной кости, обнаруженные в Нисе, были сильно поношенные, утратили отдельные свои элементы и подвергались ремонту [Массон, 1997, с. 961]. Этот пример показывает, что вещи служили человеку до их полного разрушения, их постоянно чинили, подновляли и никогда не выбрасывали, даже в том случае, когда могли заменить новыми.

**
Этого же мнения, основываясь на собственных наблюдениях, придерживался С. И. Руденко. Правда, он считал, что в сосудах был только кумыс [1953, с. 77].

Отнесение молока к сфере сакрального характерно и для индоиранцев. Котелок с горячим молоком приносился в ведийской ритуальной практике в жертву Ашвинам [Елизаренкова, 1989, с. 617]. Хаома — культовый напиток, одно из главных подношений богам, на одну треть состоял из молока. В авестийских гимнах он называется не иначе как «хаома молочная» [Авеста, 1993, с. 29, ст. 17; с. 38, ст. 63; с. 62, ст. 15; и др.]. Амрита — напиток бессмертия, добытый индийскими богами и демонами при пахтаньи океана, — тоже молоко с соками трав и деревьев: «Вода в молоко превратилась сначала, затем благодатные соки впитала...» (Махабхарата, 1974, с. 289)*.

Посуда с молочными напитками являлась не просто наглядным воплощением богатства и социального статуса погребенных, она выступала и в роли посредника, обеспечивающего коммуникацию между божеством и человеком, и имела «чрезвычайно высокий семиотический статус в ритуале и в повседневной практике» [Львова, Октябрьская и др., 1988, с. 126].

Сосуды кувшинообразной формы с ручкой-петелькой, сделанные из рога яка (тулово) и диких козлов — аргали и теке — (днище)**, помимо погребения в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3 (рис. 133) были найдены в трех «царских» курганах Пазырыка: Втором, Третьем и Пятом (часть одного из них выставлена в Эрмитаже) [Руденко, 1953, с. 52]; в погребении двух знатных воинов (мужчины и женщины) на Укоке (Ак-Алаха-1, курган № 1); в могилах рядовых скотоводов Алтая — (курган № 5, могильник Юстыд-ХIII [Кубарев, 1987, табл. VI, 5; 1991, табл. LXI, 5–7]; кургане № 1, могильник Верх-Кальджин-2). Были это рога одомашненных или диких яков — неизвестно. Но в связи с тем, что для изготовления нижней части этих сосудов использовались рога диких зверей, можно предположить, что яки были такими же объектами охоты, как и козлы, а то что сосуд изготовлен из рогов диких животных, придавало ему особую сакральную значимость. Были ли в стаде пазырыкцев яки? Вероятно, у тех из них, кто обитал на высокогорье Алтая, они могли быть, так же как и сейчас. Пока единственные, но вполне достоверные свидетельства знакомства пазырыкцев с яками — это их роговые сосуды, да еще пучки черной шерсти яков, обнаруженные во Втором и в Пятом Пазырыкских курганах [Руденко, 1953, с. 70]. Очень скоро яки и быки в прекрасном исполнении хунну станут популярнейшими

персонажами искусства центральноазиатских скотоводов. Ритуальная ценность животного, как известно, определяется его местом в жизни общества. Судя по находкам роговых сосудов, значение диких рогатых животных в пазырыкском обществе было достаточно велико. Сосуд, сделанный из рога яка, является воплощением животного, его заменителем, своеобразной жертвой. Бычьи рога были атрибутами великих божеств плодovitости, Великой Матери. Бычий рог, по мнению М. Элиаде, стал символом Луны, так как напоминает полумесяц. Прерогатива Луны, как известно, — плодородие, повторяющееся создание, неисчерпаемость жизни [1999, с. 162]. О сакральном значении рогов в древнем Иране, Средней Азии исчерпывающе пишет Б. А. Литвинский [2000, с. 363–364].

Миниатюрные золотые сосудики — полная имитация пазырыкских роговых — есть в составе Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962б, табл. XXI, 21, с. 23]. Предполагается, что они служили частями сережек или подвесками. Воспроизводство этого типа сосудов в золоте в виде украшений может быть одним из свидетельств их особой значимости, так же как отделка золотой фольгой (по швам) роговых сосудов из «царских» курганов Пазырыка.

Не было никакой практической необходимости в изготовлении роговых сосудов пазырыкцами, которые хорошо резали по дереву, могли изготавливать глиняные и кожаные емкости. Использование рогов диких животных для производства кувшинов можно объяснить только сакральными целями. Вспомним ритоны, рогаобразные сосуды из керамики и металла, столь распространенные на Древнем Востоке, или настоящие

Рис. 128. Железный нож:
а — общий вид; б — окончание рукояти ножа.
Курган № 1,
могильник Ак-Алаха-3

б

а

* Любопытно, что, по свидетельству Н. Г. Потанина, «тарбагайские торгоуты кумыс называют соком травы. Киргизы также зовут его травяным соком. Если на просьбу дать кумыс хозяин откажет, ему говорят: «Жалеешь сока травы!» [1881, с. 96].

** По определению А. П. Бородавского.

б

ритоны в виде обработанного полого внутри рога животного у скифов. В иранском мире ритонам принадлежала сакральная роль (см., например, [Луконин, 1977, с. 36]). У пазырыкцев несколько иная ситуация — для них рог существовал не как форма, а как материал для изготовления оболочки, емкости для сакрального напитка — приношения, возможно, какому-то конкретному божеству, подобному древнеиранскому Буш-Урван («Душа быка»), поглощавшему души животных и способствовавшему их изобилию [Бойс, 1988, с. 11]. Об особых свойствах, приписываемых рогу, используемому как емкость, свидетельствует древнее поверье о том, что воду Стикса, невыносимо холодную для человека, не может сохранить никакой сосуд, за исключением «рога скифского осла» (некоего фантастического животного) (Филон Гераклеяский, цит. по: [Латышев, 1993, с. 192]). Посуда из рогов диких

Рис. 129. Деревянные блюда:
а — большое;
б — малое. Курган № 1,
могильник Ак-Алаха-3

а

животных — не редкость в традиционных обществах. Г. де Рубрук в своих записках о монголах отмечал: «Видел я также другую породу животных, именуемую аркали, они имеют тело, точно у барана, и рога, загнутые, как у барана, но такой огромной величины, что одной рукой я едва мог поднять два рога, из этих рогов они делают большие чаши» (см. [Плано Карпини, 1997, с. 97]). О чашах из рогов диких баранов, которые выделывают монгольские пастухи, писал Марко Поло: «Много тут больших диких баранов, рога у них в шесть ладоней и поменьше, по четыре или по три. Из рогов тех пастухи выделывают чаши, из них и едят» (см. [Плано Карпини, 1997, с. 224]). Рог горного барана для изготовления посуды использовали атапаски, предварительно размягчая его в горячей воде, вырезая из него ложки и небольшие чаши [Дзенискевич, 1987, с. 47, рис. 17].

Два керамических сосуда, помещенных в женское погребение, были почти одинаковыми по размеру и форме, что характерно для пазырыкцев: если с умершими ставили несколько сосудов, то чаще всего они были сделаны одной рукой и по одному образцу (см., например, материалы по Катандинскому кургану и Первому Башадарскому кургану [Руденко, 1960, табл. XVII, 3, 4; табл. XV, 5, 6; и др.]). Глиняная посуда пазырыкцев ручной лепки, конструированная поэтапно ленточно-кольцевым налепом, обжигалась в условиях неравномерного распределения температур, на поверхность сосудов обычно наносилась глиняная обмазка, позволяющая скрыть грубые примеси формовочного теста. Анализ технологий, проведенный Е. В. Ламинай, выявил разительное сходство по составу примесей и по способу изготовления между укокской и аналогичной ей в культурном отношении поселенческой посудой из Денисовой пещеры [Лamina, Лотова, 1994, с. 154]. Вероятно, можно говорить о том, что погребальную и бытовую посуду делали по одной технологии, отличия же состояли в форме и орнаменте. Как известно, пазырыкские кувшины украшались самыми разнообразными способами: наклепами, резным орнаментом, кожаными аппликациями — и раскрашивались. Иногда все эти приемы использовались при украшении одного сосуда, например сосуда из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3 (рис. 130). Характернейшей чертой пазырыкской погребальной обрядности считается наличие только одного керамического сосуда у погребенного, вне зависимости от его социального

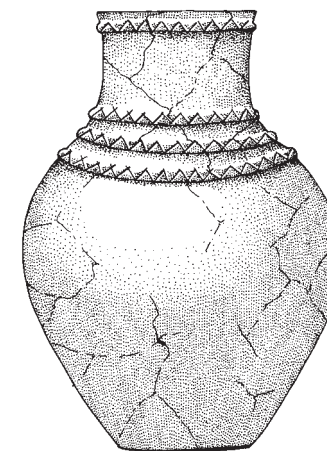
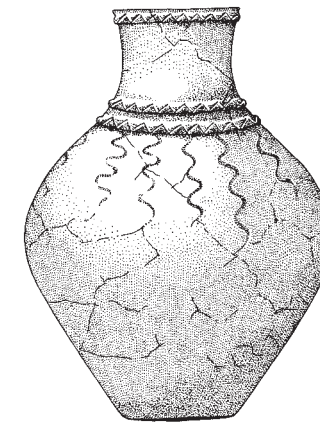

Рис. 130. Глиняные сосуды и фрагменты их кожаных аппликаций. Курган № 1, могильник Ак-Алаха-3

Рис. 131. Глиняный сосуд и его кожаная аппликация. Курган Кутургунтас

Рис. 132. Войлочные кольца-подставки под сосуды. Могильник Верх-Кальджин-2

статуса [Кубарев, 1991, с. 59]. Иногда из этого правила были исключения: по два сосуда стояли в одном из погребений Первого Башадарского кургана [Руденко, 1960, с. 29, рис. 12] и в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3. С чем могло быть связано такое отклонение от обряда? С каким-то особым подношением, налитым в «дополнительный» сосуд, или с увеличением количества подношения? При всем сходстве сосудов, найденных в погребении женщины в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3, они имели два существенных отличия. Так, на одном сосуде было три круговых валика, а на другом — два. На нем, кроме того, по тулову были нарисованы черной краской вертикальные зигзаги-змейки. Вполне вероятно, что весь этот декор был маркером разного содержимого сосуда. Ареал такого типа сосудов шире, чем ареал пазырыкской культуры: они встречаются в Туве, в могильниках саглынской культуры [Грач, 1980, рис. 37; 49, 2] и в Монголии, в Улангомском могильнике [Новгородова, 1989, с. 269, 285; и др.].

Распространение в раннем железном веке на Алтае [Кубарев, 1990, с. 31–35], в Монголии, Туве, Восточном Казахстане расписной керамики, не имеющей местных корней, может быть связано, на мой взгляд, с влиянием культуры населения Синьцзяна, где традиция росписи сосудов уходит в глубь эпохи бронзы [Литвинский, 1995, с. 139]. Расписная керамика исчезает на Алтае ко II в. до н. э., что связывается со сменой культуры и населения в этом районе.

Сейчас кажется вполне вероятным, что все обнаруженные в погребениях неорнаментированные пазырыкские сосуды были украшены несохранившимися кожаными аппликациями в виде животных, как это было во Втором Пазырыкском кургане, в курганах Кутургунтас (рис. 131), Ак-Алаха-3 и кургане № 2 могильника Ташанта-II [Кубарев, 1987, рис. 17]. Изображались петухи, грифоны, барсы — охраняющие и защищающие. Была какая-то необходимость в том, чтобы эти хрупкие, неудобные в скотоводческом быту емкости помещались в погребение.

Давно отмечено, что керамическая посуда из пазырыкских погребений значительно отличается формой и орнаментом от той, которую находят в насыпях курганов [Руденко, 1960, с. 63–65]. Более того, пазырыкцам на завершающем этапе существования культуры, вероятно, был уже знаком гончарный круг: недалеко от юстыдских курганных могильников сохранился комплекс гончарных печей для производства разнообразных типов хуннской посуды [Кубарев, Журавлева, 1986, с. 101–119]. Керамика хуннского типа обнаружена в заполнении пазырыкских могил [Савинов, 1978, с. 54, рис. 3], и не только фрагменты, но и целый сосуд [Кубарев, 1987, с. 48]. Вспомним, что у ведийских ариев посуда, изготовленная на гончарном круге, считалась принадлежностью демонов, поэтому использовалась керамика только ручной работы [Елизаренкова, 1989, с. 449]. Возможно, у пазырыкцев существовал ритуал изготовления и украшения специальной глиняной погребальной посуды, декорируемой кожей, которая могла являться неким посланием в «иной» мир.

Деревянная кружка, найденная в погребении, замечательна ручкой, сделанной в виде протом двух барсов (рис. 134, а). Из-за этих скульптурно вырезанных фигурок обычная по форме кружка становится оригинальным изделием, не имеющим аналогов в пазырыкской культуре. Сосуд с барсами, вероятно, и был для пазырыкцев «сосудом барсов», потому что отождествлялся с образами животных, вырезанных на нем вместо ручки. Дикие животные были обитателями «иного» мира, мира богов и предков. Через их изображения пазырыкцы, вероятно, стремились вступить в контакт с этим миром. Образ барса в данном случае мог являться посредником между людьми и богами и помогал добиться желаемого (см. подробнее [Антонова, 1986, с. 51, 60]). Смысловое значение фигурок барсов — охранять, быть оберегом (см., например, [Пичикян, 1991, с. 90–91]). Впервые за время изучения пазырыкской культуры внутри как раз этого сосуда обнаружена палочка — мешалка для взбивания кумыса (мутовка). Ее длина — 38 см, на ее зауженный конец, опущенный в кружку, был надет специальный деревянный набалдашник серповидной формы (рис. 134, б). Сама палочка мутовки сделана из лиственницы, тогда как серповидный набалдашник вырезан из березы. На этот факт стоит обратить внимание, зная, какое большое значение придавалось различным видам деревьев в сакральной практике древних и традиционных обществ. Вероятно, не случайно для изготовления мешалки была выбрана береза, ее белый цвет, как и цвет молока, воплощал сакральную чистоту. В одной из алтайских свадебных молитв говорится: «...Белая береза, мешалкой будь» [Львова, Октябрьская и др., 1988, с. 121]. Так, в тексте мешалка выступает аналогом березы — мирового дерева. Эта простая, но тщательно сделанная вещь принадлежит к чрезвычайно значимым сакральным объектам и отличается повышенным семиотическим статусом в культурной традиции тюркско-монгольских народов. В алтайской мифологии с помощью мешалки боги творили мир. В индийской мифологии Вселенная была создана в результате пахтанья первичного океана. От обладания Чингисханом

а

б

Рис. 133. Сосуд из рога яка и аргали:
а — общий вид;
б, в — детали изготовления сосуда — швы, выполненные роговыми нитками.
Курган № 1, могильник Ак-Алаха-3

в

кумысной мутовкой зависело благополучие и богатство монгольского народа (см. подробнее [там же, с. 40–42; 120–122]).

Мешалка, обнаруженная внутри деревянной кружки с барсами, представляется некой моделью «орудия творения», вложенного в руки женщины. Это была не только и не столько утилитарная вещь, сколько культовый предмет, служивший в ходе какого-то ритуала. Интересно, что в традиционной похоронно-поминальной обрядности казахов именно мутовку (испек) оставляли у могилы, а сосуд, предназначенный для изготовления и хранения кумыса, вместе с мутовкой изображался на надгробных сооружениях как воплощающий идею плодородия [Коновалов, 1995, с. 14–15], а значит и возрождения.

Деревянные сосуды — ковши с длинными ручками, концы которых нередко оформлены в виде конского копыта [Руденко, 1953, табл. XXI; Кубарев, 1987, с. 49], вероятно, тоже относились к кумысной посуде. Возможно, символическая близость в ритуально-мифологическом контексте сосудов, наполненных молоком, и образа священного дерева как центра универсальной космической структуры [Львова, Октябрьская и др., 1988, с. 127] предопределила и материал, из которого изготавливались молочные сосуды у скотоводов Евразии, — дерево. Так, по Геродоту, «выдоенное молоко скифы сливают в глубокие деревянные сосуды...» (цит. по [Латышев, 1992, с. 74]). Деревянные чаши с обкладкой из тисненого золота — нередкая находка в богатых скифских могилах (см., например, [Манцевич, 1966, с. 23–29]). Долбленные, со сферическим дном деревянные чашки различных размеров были самой распространенной посудой у алтайцев-кочевников, а количество деревянных чашек, как правило, соответствовало численному составу семьи [Тошакоева, 1976, с. 192]. П. К. Козлов заметил, что «у тибетцев не принято пить из чужой чашки, а потому, будь то взрослый или мальчик, имеет при себе собственную чашку, с которой никогда не расстается» [1947, с. 194]. «Каждый тибетец, — писал Н. М. Пржевальский, — имеет свой особенный горшок и чашку, из которых пьет и ест отдельно от других членов семьи. Принимать пищу или питье из чужой посуды считается осквернением и большим грехом. Чашки обыкновенно носятся за пазухой и, как у монголов, считаются предметом щегольства, поэтому нередко их вытачивают из дорогого дерева и отделывают серебром» [1883, с. 260]. О гомеровских абиях (скифах) известно, что «они всем владеют сообща, кроме меча и чаши». Надо полагать, что небольшие деревянные чаша, кружка или ковш были у каждого пазырыкца. Это была та личная посуда, с которой не расставались и после смерти и которую находят в могилах.

Деревянная посуда тех же видов, что у пазырыкцев, была распространена у скотоводческого населения Синьцзяна. В погребениях могильников Subashe, Bostan, Wuru и некоторых других сохранились деревянные блюда-столики, на многих из них лежали бараньи кости; ковши с длинными изогнутыми ручками, конец которых оформлен как конское копыто; кружки, повторяющие по форме известные пазырыкские образцы (рис. 135). Есть и другие типы деревянной посуды (бочонки, миски), не обнаруженные в пазырыкских могилах. В отличие от алтайской деревянной посуды, вырезанной из кедра, березы и наростов на ней, в Синьцзяне использовали главным образом тограк — местную разновидность тополя. Многие экземпляры деревянной посуды из могильников Синьцзяна носят следы починки, а на блюдах и ковшах имеются дырочки — в них продевали веревки для подвешивания посуды [Го Цзяньго, Лю Юньго, 1994, с. 13–15].

Такие же типы деревянной посуды находят в скифских погребениях Тувы [Грач, 1980, с. 34] и Монголии [Новгородова, 1989, с. 286].

В индоиранской ритуальной практике к деревянной посуде было особое отношение: хотя ведийские арии умели изготавливать каменную, металлическую и керамическую посуду, для ритуала использовали только деревянную [Елизаренкова, 1989, с. 449], вероятно, как наиболее древнюю, освященную традицией. Так же было в Чатал Хююке (Турция), где в погребальном обряде не использовалась глиняная посуда, а только деревянные сосуды и плетеные корзины [Антонова, 1986, с. 37].

В представлениях многих скотоводческих племен молоко и молочные напитки должны разливаться и храниться только в специальной посуде, поскольку вещество, из которого изготовлены емкости, может оказать вредное влияние на скот. Так, скотоводческие племена Африки предпочитали для этих целей глиняную и деревянную посуду или тыквенные бутылки, но не металлические изделия [Фрезер, 1981, с. 403]. Г. Н. Потанин отмечал, что «монголы молоко коров доят в деревянные подойники, а молоко лошадей и верблюдов в кожаные, сделанные из коровьей шкуры, последние называются чиньк» [1950, с. 128]. У бурят «молоко сдаивали в подойники, которые нельзя было употреблять в других целях, — грехом считалось, например, черпать ими воду из реки. Подойники были берестяные, сшитые волосьяными нитками, а также деревянные, дужки для них плели из конского волоса» [Жамбалова, 2000, с. 160]. О домашней утвари тибетцев в конце XIX в. известно, что она «состоит, кроме горшков и чашек, предназначенных для каждого члена семьи, из небольших деревянных кадок, где держат кислое молоко, а также из глиняных кувшинов или чаше — из пустых яковых рогов, в которых сохраняется молоко свежее» [Пржевальский, 1883, с. 254].

Другой статус был у кожаных сосудов, обнаруженных во Втором Пазырыкском кургане. Это плоские маленькие фляжки, покрытые мехом [Руденко, 1953, с. 93, рис. 45]. Одна найдена в кожаной суме в головной части колоды, а другая — в мусоре, попавшем в камеру через грабительский лаз [там же, с. 92]. Местоположение этих сосудов иное, нежели тех, что стояли в центре погребальной камеры, наполненные жертвенной пищей. Они относятся к категории личных вещей, которые укладывались в колоду, рядом с телом погребенного, или в конский отсек. По мнению С. И. Руденко, вряд ли эти фляжки предназначались для жидкости, здесь обычно хранились семена или корни трав, которые в них, собственно, и найдены [там же, с. 93].

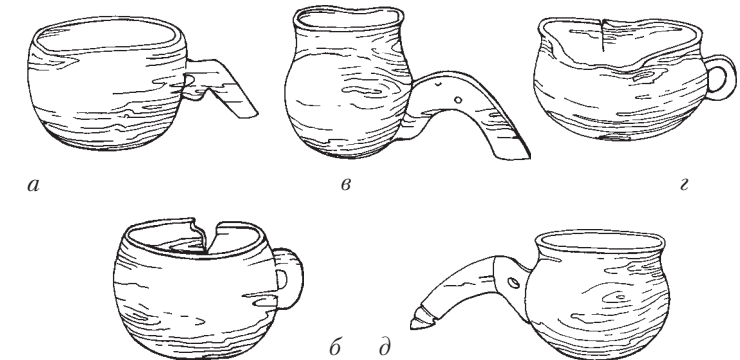
Возможно, что редкие керамические изделия из Верхнего Приобья, Казахстана и Средней Азии, имитирующие, по мнению А. П. Бородавского, кожаную посуду, датируемые также ранним железным веком [1990, с. 122—128], копируют, скорее, роговые сакральные сосуды типа пазырыкских, а не какой-то до сих пор не известный древний кожаный прототип. Следует отметить, что и позже кожаная утварь казахов, алтайцев, киргизов была в основном продолговатой и уплощенной формы, например, известные у этих народов особые кумысные сосуды-тажууры — фляги с длинным узким горлом, — наиболее изящная и богато орнаментированная категория кожаной посуды [Тошпакова, 1976, с. 184; Антипина, 1977, с. 13]. Другие кожаные емкости имели хозяйственное значение и изготавливались из внутренних органов животных, кожи и шкур*.

Как свидетельствует археологический материал, у пазырыкцев во второй половине I тыс. до н. э. существовали почти все возможные виды посуды, характерные для центральноазиатских кочевников и известные по археологическим и этнографическим

Рис. 134. Курган №1, могильник Ак-Алаха-3:
а — деревянная кружка;
б — мутовка

Рис. 135. Рисунки
деревянной посуды,
найденной в погребениях:
а, б — Уландрыка
(раскопки В. Д. Кубарева);
в — Второго
Пазырыкского кургана
(раскопки С. И. Руденко);
г, д — Bostan (Toksan)
(Синьцзян)

*
Наверное, это одни из наиболее древних видов емкостей, используемых в скотоводческом хозяйстве, не сохранившиеся из-за их органической природы. Мне известно об обнаруженном в детском погребении (Zaghunluq — так называемом Baby Blue) сосуде, сделанном из вымени овцы [Mallory, Mair, 2000, p. 16, pl. V] — возраст, вероятно, около 2,5 тыс. лет.

материалам. Оригинальными пазырыкскими изделиями являются роговые круглодонные кувшины, не имеющие аналогов ни в древности, ни среди этнографических материалов. Лучше всего известна та посуда пазырыкцев, которая была связана с погребальным обрядом, или, если быть точнее, часть посуды, имеющая отношение к погребальному обряду и попавшая в захоронение. Ее месторасположение в погребальной камере, предназначение, вид приношения, наполнявшего каждый конкретный сосуд, были регламентированы устоявшейся традицией. Вся посуда (за исключением, вероятно, глиняной) не была погребальной, а являлась частью живой культуры пазырыкцев.